

Гревцова Татьяна Евгеньевна

**ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СИСТЕМЕ КУЛЬТУРНЫХ ТЕРМИНОВ
ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО СВАДЕБНОГО ОБРЯДА**

В статье рассматриваются парадигматические отношения в группе культурных терминов, обозначающих свадебный хлеб у восточных славян, производных от них названий эпизодов, персонажей и атрибутов свадьбы, а также глагольных словосочетаний со значением ритуальных действий с выпечкой. Выявлены механизмы появления синонимов в данной терминосистеме, их отличия от синонимов в литературном языке. Выделены пары словосочетаний, состоящих в отношениях синонимии, антонимии и конверсии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/7-1/10.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 7 (49): в 2-х ч. Ч. I. С. 43-48. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.161:39

Филологические науки

В статье рассматриваются парадигматические отношения в группе культурных терминов, обозначающих свадебный хлеб у восточных славян, производных от них названий эпизодов, персонажей и атрибутов свадьбы, а также глагольных словосочетаний со значением ритуальных действий с выпечкой. Выявлены механизмы появления синонимов в данной терминосистеме, их отличия от синонимов в литературном языке. Выделены пары словосочетаний, состоящих в отношениях синонимии, антонимии и конверсии.

Ключевые слова и фразы: восточнославянский свадебный обряд; культурный термин; хлеб; парадигматические отношения; синонимия; антонимия; конверсия.

Гревцова Татьяна Евгеньевна

Южный федеральный университет

tanyar_2@mail.ru

**ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СИСТЕМЕ КУЛЬТУРНЫХ ТЕРМИНОВ
ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО СВАДЕБНОГО ОБРЯДА©**

Существуют различные точки зрения на то, каким материалом следует ограничивать исследование парадигматических отношений в диалектной лексике. Традиционно считается, что слова связаны системными отношениями друг с другом в пределах одного языка или говора. Например, говоря о синонимах, Ф. П. Сороколетов указывал, что «слова, близкие или тождественные по значению, но распространенные в разных говорах, следует считать не синонимами, а лексическими параллелями, эквивалентами, синонимическими соответствиями и т.п.» [33, с. 196]. И. А. Оссоветский предлагал считать «истинными синонимами» только слова одного говора, а синонимы диалектного языка в целом рассматривать как не вступающие в реальные лексические отношения друг с другом, а конструируемые исследователем [18, с. 54].

Представителями московской этнолингвистической школы было высказано мнение о продуктивности снятия языковых и временных ограничений при исследовании лексики славянских языков, поскольку праславянские слова в родственных языках во многих случаях имеют сходные семантические свойства. С. М. Толстая отмечает, что «семантическая структура многозначного общеславянского слова (набор и сочетание значений) определяется не только системными отношениями данного слова к другим словам в данном конкретном языке, но и некоторым семантическим потенциалом, заложенным уже в праславянском слове, и, следовательно, строгое ограничение семантического анализа рамками одного языка (одной системы) нельзя считать оправданным» [37, с. 11].

В пользу возможности изучения системных отношений в восточнославянской диалектной обрядовой лексике говорит не только генетическая, а вследствие этого и семантическая близость локальных свадебных традиций восточных славян, но и то, что обрядовая лексика не представляет собой замкнутой системы. Одни элементы свадьбы могут замещаться или окказионально включаться в ход ритуала, другие – исключаться из обряда или вовсе утрачиваться. Вместе с компонентами ритуала включаются или исключаются и наименования элементов свадьбы. Это приводит к возникновению общих звеньев в свадебной терминологии разных локальных традиций.

Славянская культурная терминология представляет собой особый предмет исследования, поскольку значение культурного термина не сводится лишь к значению обозначаемой им обрядовой реалии, он оказывается «заглавием» определенного текста культуры [39, с. 22]. Поэтому рассмотрение системных отношений между такими терминами не должно ограничиваться лишь констатацией их лексического значения, а требует обращения к их функциям в обряде и к глубинным смыслам ритуала, которые скрываются за ними.

В данной статье мы рассмотрим отношения синонимии в группе терминов, обозначающих формы свадебной выпечки у восточных славян, производных от них названий персонажей, атрибутов и эпизодов ритуала, а также отношения синонимии, антонимии и конверсии в группе словосочетаний, обозначающих действия с выпечкой. Материалом для исследования послужили словари диалектной лексики русского, украинского и белорусского языков, опубликованные исследования, посвященные свадебному обряду восточных славян, неопубликованные материалы диалектологических и этнолингвистических экспедиций кафедры общего и сравнительного языкознания Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета и Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН (далее – ПМДЭЭ ЮФУ – ИСЭГИ ЮНЦ РАН).

Применительно к культурным терминам, соотносимым с одной реалией и образующим лексическое поле данной реалии в разных традициях, С. М. Толстая предлагает употреблять название «аналог междиалектного синонимического ряда» [38, с. 219]. Мы будем использовать термины «синонимы», «синонимия» для удобства изложения материала, учитывая, что рассмотрение таких отношений между словами разных локальных традиций все же является некоторым исследовательским конструктом. Говоря о синонимии, следует также учитывать то, что немногие термины полностью совпадают по семантике, большая их часть сходна, но не тождественна по своему значению.

Синонимия обрядовых терминов, обозначающих формы свадебного хлеба, может быть обусловлена несколькими причинами.

Во-первых, однокоренные синонимичные названия выпечки в разных диалектах могут быть образованы с помощью различных словообразовательных средств. Исследователями отмечено широкое распространение словообразовательных синонимов в говорах, связанное с незамкнутостью деривационных контактов диалектных субстантивов, нейтрализацией словообразовательных средств, имевших стилистическую маркированность, и более высоким, чем в литературном языке, стремлением к выражению экспрессивности [21, с. 264]. Не является исключением и исследуемая группа терминов. Например, слова *мо́ленко*, *мо́лено* 'пряник, который пекут в доме молодого на следующий день после свадьбы' [35, с. 132] являются синонимами в одной локальной традиции и различаются только словообразовательными средствами. Интересно, что термины *мяку́ша*, *мяку́шка* являются синонимами в архангельских говорах во всех своих значениях: 1) 'приготавливаемый к свадьбе чистый ржаной хлеб, зашиваемый накануне девичника в скатерть вместе с двумя пшеничными калачами, столовой чашкой, миской, солонкой с солью и двумя новыми ложками'; 2) 'хлеб, которым мать невесты благословляет отъезжающих к венцу жениха и невесту'; 3) 'каравай из пшеничной муки с солонкой наверху, подаваемый при большом рукобитье' [30, т. 19, с. 81]. В этих двух примерах представлена широко распространенная в говорах синонимия слов с формантами *ка / Ø* [21, с. 249]. Часто лексемы, обозначающие формы свадебной выпечки, являются синонимами в одном из своих значений. Например, в ряду донских синонимичных терминов – *лёжник*, *лёжень* и *лёжанец* 'свадебный хлеб овальной формы' [4, с. 260], у слова *лежень* зафиксированы и другие значения в южнорусских и восточнукраинских свадебных обрядах [4, с. 260; 5, с. 142; 14; 30, т. 16, с. 232].

Исследование системных связей культурных терминов требует обращение к самой реалии – виду свадебной выпечки, а также к действиям, которые с ней производятся в обряде. Так, сибирские названия *ку́ренник* и *ку́рничек* 'свадебный пирог с мясом' [30, т. 16, с. 119, 136] можно рассматривать как синонимы с оговоркой, поскольку первое из них обозначает пирог, приготовленный невестой в день свадьбы, и более точным синонимом к термину *ку́ренник* является наименование *неве́стин пиро́г* 'пирог, который печет невеста в день свадьбы' [Там же, т. 20, с. 336]. Для понимания семантики ритуала важна не только начинка этого пирога, но и приуроченность его изготовления к определенному моменту свадьбы и совершение обрядового действия невестой.

Однокоренными синонимами являются термины *встрéчник*, *встрéчный* [4, с. 91], *встрéчный пиро́г* [24, с. 200] 'пирог, которым встречали молодых после венчания'. При этом термины *встречный* и *встречник* являются синонимами в одной (донской) традиции, а название *встречный пирог* зафиксировано в рязанской свадьбе. Данные наименования мы считаем синонимами, поскольку реалии, ими обозначаемые, выполняют одинаковую функцию в обряде при том, что их внешний вид в донской и рязанской традиции различен. В Рязанской области *встрéчный пиро́г* – это курник, т.е. пирог с начинкой из курицы [Там же]. На Дону *встрéчный*, или *встрéчник* – выпечка особой формы: «*Мать и атец жыныха, и ани сюда праходять, вот так от, дай-ка руку, держуть и праходють. Ну, такой пикуть аддельна, ну теста ат аднаво жы. Вот так от и я пикла, вот так от крулинький адин, и другой камоцик, и патом от паисоцик, от так от и васьмёрацкай, абётывьють, и тут цвитоцик, и тут цвитоцик, ну и насытана там этай, бисиром, ци щем. Он скаромный, хороший, и как ани праходять, и рас, и разламывають, у ниво астаёца. Эта фстрéцик называица*» (Семикаракорский район Ростовской области, 2008 г., ПМДЭЭ ЮФУ – ИСЭГИ ЮНЦ РАН, соб.: Н. А. Власкина, Н. В. Безденежных). В донской свадьбе названиям *встрéчник*, *встрéчный* синонимична лексема *калач*, обозначающая хлеб, который также разламывали над головой у молодых и раздавали участникам свадьбы, не приглашенным к застолью.

Нужно сказать о том, что, в отличие от литературного языка, в системе обрядовой лексики многие термины, различающиеся суффиксами с диминутивным значением, по своей семантике являются синонимами. Например, в таких отношениях состоят лексемы *жеребеёк* и *жéребей* (рус. диал.), обозначающие кусок каравая, который должен съесть каждый гость на свадьбе [26, т. 3, с. 359], *кру́гле* и *кру́гленьке* (укр. диал.) в одном из значений 'хлеб для одаривания друзей' [14]. С одной стороны, можно констатировать утрату дополнительной семы суффиксами в таких словах, с другой, исследователи указывают на то, что один из древнейших типов словообразовательной синонимии – синонимия производного и производящего слов [22, с. 116]. Однако при исследовании синонимии подобных терминов необходимо обращение к внеязыковому материалу, поскольку их значения в разных традициях могут отличаться. Так, при синонимии лексем *каравай / коровай* (повсеместно), рус. диал. *каравáец* [16, т. 5, с. 24] и укр. диал. *коровáець* [1, т. 2, с. 243] в значении 'свадебный каравай' существуют названия свадебных булочек небольшого размера, которые произведены от лексемы *каравай* с помощью суффиксов с диминутивным значением. Например, бел. диал. *каравáец* 'булочка из каравайного теста, которая отдается незваному гостю', *каравáйка*, *каравáйчык* 'булочка из каравайного теста, которая печется для родных и детей' [12, с. 299], *каравáйки* 'булочки, которые предназначались главным чином для детей' [11, с. 318], рус. диал. *каравáйчик*, *каравáйничек* 'небольшая булочка, раздаваемая во время обряда даров' [4, с. 209], *каравáйки* 'маленькие колобочки, приготавливаемые на свадьбу' [40, с. 271], укр. диал. *коровáйчик* 'хлеб для одаривания друзей' [14]. Приведенные термины, несмотря на внешнее сходство обозначаемых ими изделий из теста, нельзя признать синонимами, поскольку выпечка, ими называемая, выполняет в обряде разные функции.

Интерес представляют однокоренные синонимы *баённик*, *ба́йник* [19, с. 3], *ба́нник*, *ба́нщик* [30, т. 2, с. 95, 97], *ба́яник* [2, т. 1, с. 136] 'хлеб, зашивавшийся вместе с другими предметами накануне девичника в скатерть и съедавшийся после первой бани молодых'. Вариации в корнях слов, обозначающих свадебный хлеб, появились вследствие того, что сама баня и мотивирующей данные названия хлеба обряд посещения бани молодыми в севернорусских говорах могут иметь названия *ба́ня* (лит.), *ба́енна*, *ба́йна*, *ба́йна* [Там же, с. 89, 94-95]. Кроме того, в номинации данной выпечки используются разные словообразовательные средства – суффиксы *-ник* и *-щик*.

Другой причиной появления синонимичных терминов является то, что сходные по внешнему воплощению и/или обрядовому значению виды выпечки могут иметь разные названия вследствие выделения различных признаков в их номинации. Часто это приводит к междиалектной (или даже межъязыковой) синонимии. Например, наименования двух булочек, предназначенных на свадьбе молодым, могут не отражать парность этой выпечки или ее ритуальное употребление (укр. диал. *коровайчики* [14], бел. диал. *крыж* [11, с. 328]), но часто мотивационной базой для названия этого хлеба выступает его форма (укр. диал. *близнята, парні хліб* [1, т. 1, с. 22; т. 2, с. 29], *дво́йко, дво́е хлібів* [14]), обстоятельства совершаемых с ним ритуальных действий (бел. диал. *Падручнікі* [11, с. 318]) или представления, связанные с самим заключением брака (укр. диал. *до́ля* [1, т. 1, с. 138]).

Однако следует учитывать, что одинаковые изделия из теста в разных локальных традициях могут выполнять различные ритуальные функции. Например, пирог с начинкой из рыбы, употребляющийся в основном в севернорусской свадьбе, обозначается терминами *колюба́ка*, [19, с. 69], *кулебя́ка* [Там же; 36, с. 281], *ры́бник* [17, с. 44], *рыбный пирог* (лит.). Кулебяка, начиненная рыбой, посылается родителям молодой, если невеста оказалась целомудренной [19, с. 69]. В вологодской свадьбе жених и невеста откусывали от кулебяки три раза, а затем его раздавали тем, кто не был приглашен на свадьбу [8, с. 202]. Рыбник в Вологодской области разделяется после венчания между молодыми [28, с. 541]. Из этих примеров видно, что даже в одной свадебной традиции с одним и тем же видом обрядового печения могут производиться разные ритуальные действия.

В качестве примера ряда синонимов, которые обозначают изделия из теста, выполняющие одинаковую функцию в свадьбе, можно привести наименования выпечки, которая выступает в качестве последнего («разгонного») блюда на свадьбе. Такие виды хлеба могут получать название по этому значению в свадьбе (рус. диал. *выгонно́й пирог* [16, т. 1-2, с. 212], *разго́нный пирог* [35, с. 133; 43, т. 8, с. 115], *разго́нный пря́ник* [8, с. 501], *разго́нник* [28, с. 428], *разго́нщик* [9, т. 4, с. 22], *погоня́ло* [43, т. 8, с. 19]). В то же время функция «разгонника» могут выполнять изделия из теста, называемые рус. диал. *походно́й карава́ец, со́чень* [8, с. 501], *кругло́й пирог* [16, т. 5, с. 129], *сыр-каравай* [24, с. 387], укр. диал. *ле́жень, корова́й* [14]. Данный синонимический ряд включает два типа единиц, рассмотренных выше: однокоренные синонимы с разными диалектными аффиксами и лексемы с разными корнями, в основе мотивации которых лежат разные признаки реалии.

По выполняемой обрядовой функции также близки формы главного свадебного хлеба, который делят между гостями в первый день свадьбы в доме жениха. Однако по внешнему виду и по наименованию в разных локальных традициях они различаются. На Русском Севере в качестве главного свадебного хлеба выступает пирог с рыбной начинкой (*рыбник, кулебяка*), в среднерусской свадьбе – *курник* (не всегда это пирог с курицей или с куриными потрохами). В южнорусской, украинской и белорусской традициях эту функцию выполняет *каравай* – большой круглый хлеб с разнообразными украшениями. Названия этих видов хлеба являются синонимами по выполняемой их денотатами функции в свадьбе. Лексема *каравай (коровай)* используется для обозначения главного свадебного хлеба на исследуемой территории практически повсеместно (кроме Русского Севера). Помимо приведенных названий, выпечка, выполняющая данную функцию в обряде, получает и другие наименования, как с корнем *карава-/корова-*, так и образованные от других корней. Приведем лишь некоторые из них: рус. диал. *сыр-карава́й* [27, с. 481-482; 24, с. 199], *виту́шка* [26, т. 2, с. 119], *наде́льный хлеб* [23, т. 19, с. 360-361], укр. диал. *кала́ч, каравая́га* [14], *корова́ець* [7, т. 2, с. 285], *перепо́ц* [13, с. 157], бел. диал. *ста́рший карава́й* [11, с. 318].

Отношениями синонимии могут быть связаны и термины, производные от названий свадебной выпечки: названия свадебных обрядов, участников ритуала и его атрибутов.

Выделение синонимических рядов названий обрядов свадьбы, мотивированных наименованиями изделий из теста, возможно благодаря тому, что в восточнославянском ритуале есть такие эпизоды, связанные с действиями с обрядовым хлебом, которые обязательно входят в структуру ритуала и обладают в нем одинаковой символикой. В группе таких терминов однокоренными синонимами являются, например, названия, обозначающие процесс приготовления свадебной выпечки (бел. диал. *каравайны вэ́чар, коровайніца* [8, с. 426], *субота-каравайніца* [41, т. 3, с. 306], рус. диал. *каравайчики* [10, с. 61]). Схожи по значению с приведенными терминами словосочетания, обозначающие процесс изготовления каравая (рус. диал. *сажать каравай, валять каравай* [25, с. 25], укр. диал. *бгáты каравáй, дбáти корова́й* [14], бел. диал. *гiбаць каравай* [11, с. 310]).

Большое количество названий обрядов, производных от лексемы *блины*, связаны с действиями, совершаемыми с выпечкой на этапе послесвадебья. При выявлении синонимов в этой группе терминов следует обращаться к внеязыковому материалу, поскольку данные обряды различаются по своей локализации, временной приуроченности, исполнителю ритуальных действий и семантике. Так, следует отличать угощение блинами в доме родителей невесты, во время которого жених с помощью поедания блинов демонстрирует, сохранила ли невеста девственность до брака (рус. диал. *блины́* [2, т. 2, с. 35], *тёщи́ны блины́, к тёщѐ на блины́* [27, с. 45]), от угощения блинами, приготовленными молодой, что является обрядовой проверкой ее хозяйственных способностей (рус. диал. *блiнно* [2, т. 2, с. 34], *неве́стины блины́* [29, т. 1, ч. 1, с. 72], *приходи́ть на блины́* [31, т. 1, с. 191]). Терминам второй группы на некоторых территориях имеются соответствия с корнем *пирог-/пирож-*, обозначающие приготовление новобрачной пирогов (рус. диал. *пирожно́й вѐчер, пирожные столы́* [30, т. 27, с. 42], *пирожно́й день* [16, т. 8, с. 9], бел. диал. *пiрагi* [34, с. 359]).

В отношениях синонимии состоят и обрядовые термины, производные от названий свадебной выпечки, которые обозначают персонажей свадьбы. Большая часть таких наименований являются однокоренными синонимами. Например, девушка или девочка, приносящая молодым блины на другой день свадьбы, обозначается терминами рус. диал. *блiнница* [35, с. 130], *блiно́чница* [30, т. 3, с. 25]. Сходную функцию в обряде выполняет *пирожница* (рус. диал.): она приносит молодым пирог на второй день свадьбы [Там же, т. 27, с. 42]. Однокоренными синонимами являются и названия женщин, участвующих в приготовлении каравая (рус. диал.

каравáйница [4, с. 209], *каравáйница* [30, т. 13, с. 66] / бел. диал. *коровáйница* [41, т. 2, с. 220] / укр. диал. *коровáйница* [7, т. 2, с. 285]), названия мужских персонажей, везущих хлеб и пироги в свадебном поезде (рус. диал. *коровáйник* [23, т. 15, с. 267], *коровáйный* [8, с. 183]), наименования свадебных гостей, производные от лексемы *хлеб* (рус. диал. *схлэбник*, *хлэбник* [32, с. 551, 583] / бел. диал. *хлэбнік* [34, с. 528]). Подавляющее число однокоренных синонимов среди данных терминов можно объяснить тем, что функции обозначаемых ими участников свадьбы связаны с определенными формами хлеба, что и отражено в их названии.

Синонимов среди названий атрибутов свадьбы, мотивированных наименованиями обрядового хлеба, нами выявлено немного, что обусловлено, прежде всего, малочисленностью данной группы терминов. Так, синонимичны лексемы *каравáй* [27, с. 236] и *ба́енник* [2, т. 1, с. 89] в значении 'поднос, на который кладут подарки молодым'. Синонимами являются русские названия *каравáйное*, *сыр-каравáйное* [42, с. 193] и *подáрок на блины* [30, т. 27, с. 331], которые обозначают подаренное молодым на свадьбе. Оба эти ряда синонимов связаны с одариванием молодых, которое у восточных славян часто сопровождается разделением и раздачей изделий из теста. Это обусловлено символической значимостью данного эпизода, и особенно ритуальных действий с хлебом в этом обряде, связанных с приобретением молодыми нового социального статуса.

Среди названий атрибутов обряда, мотивированных названиями ритуальной выпечки, синонимичны термины *каравáйница* [Там же, т. 13, с. 67], *ку́рник* [31, т. 5, с. 137], обозначающие свадебное деревце, украшающее главный свадебный хлеб. Кроме того, в Волгоградской области у лексемы *ку́рник* зафиксировано сходное значение: так называли убранный сладостями ветку сосны, которую несли от жениха к дому невесты и с которой ее родственники пытались сорвать сладости [27, с. 287].

Парадигматические отношения между глагольными словосочетаниями с компонентом со значением 'хлеб' нам представляется целесообразным рассматривать с точки зрения значения ритуальной семантики обозначаемых ими действий с изделиями из теста, поскольку схожие по значению в обряде действия в разных локальных традициях совершаются при разных обстоятельствах с различными формами выпечки.

Синонимия словосочетаний, обозначающих ритуальные действия с хлебом, может быть связана с тем, что само действие выражается глаголами, имеющими одинаковое значение в рамках ритуала. Так, распространенные у русских словосочетания *кидать (кинуть) на каравáй* [4, с. 209], *давать на каравáй* [30, т. 13, с. 65], *класть на каравáй* [27, с. 243], *положить на каравáй* [30, т. 29, с. 101] обозначают дарение подарков молодым, которое в свадьбе связано с раздачей частей хлеба. Кроме того, такие словосочетания могут иметь сходное значение вследствие того, что одно действие может выполняться с разными видами выпечки, которые в этом эпизоде выполняют одинаковую обрядовую функцию. Например, в эпизоде дарения подарков новобрачным в разных локальных традициях могут совершаться ритуальные действия с одинаковым значением с разными видами хлеба (рус. диал. *класть на каравáй* [27, с. 243], *класть на ба́йник* [2, т. 1, с. 95], *класть на пиро́г* [29, т. 2, с. 69], *бросать на пирог* [Там же, т. 1, ч. 1, с. 93], *кидать на пирог* [30, т. 13, с. 199], *класть на пря́ник* [Там же, с. 268]). Таким образом, словосочетания, обозначающие одаривание новобрачных гостями в этом обряде, образуют синонимический ряд с большим количеством членов, с одной стороны, за счет синонимии глаголов ритуального действия, с другой – вследствие того, что такое действие на разных территориях совершается с разными изделиями из теста.

Некоторые из приведенных выше терминов находятся в отношениях конверсии со словосочетаниями, обозначающими распределение частей обрядового хлеба между гостями и отражающими эту обрядовую ситуацию с позиции новобрачных и их представителей (рус. диал. *класть на каравáй*, *давать на каравáй*, *положить на каравáй*, *кидать на каравáй* – *носить каравáй* [26, т. 2, с. 34], *подносить каравáй*, *раздавать каравáй* [27, с. 437, 501], бел. диал. *разносіць каровáй* [41, т. 4, с. 312], укр. диал. *діліти корова́й* [20, с. 227]; *класть на пирог*, *бросать на пирог*, *кидать на пирог* – *разносіть пиро́г* [26, т. 4, с. 110]).

Отношениями конверсии связаны некоторые словосочетания со значением отказа или согласия во время сватовства, отражающие обрядовую ситуацию со стороны родителей невесты и сватов (рус. диал. *дать блин* 'отказать сватам' [3, с. 251] – *получить блин* 'получить отказ при сватовстве' [15, с. 895], укр. диал. *поклонитися пані-ма́тці хлібом* 'принести хлеб на сватовство' [7, т. 3, с. 273] – рус. диал. *принять хлеб-соль* [42, с. 120]). Можно назвать конверсивными антонимами выражения укр. диал. *поклонітисся пані-ма́тці хлібом* и рус. диал. *вирта́ти хлібіну* 'отказать сватам' [5, с. 65], рус. диал. *приходить с калачом* [27, с. 481], *нести калач* [6, с. 63] 'сватать' и *уносить калач* 'получить отказ при сватовстве' [Там же], поскольку они обозначают противоположные по направленности акты: действия сватов и отказ родителей невесты представителям жениха. Однако рассмотрение подобных отношений в этой группе требует внимательного изучения ситуации обряда, к которой они относятся. Например, такие словосочетания, как *дать блин* 'отказать сватам' [3, с. 251] и *съесть калі́тку* (рус. диал. калитка 'пирог; род ватрушки, лепешка, блин' [30, т. 12, с. 359-360]) 'получить отказ при сватовстве' [Там же, с. 360] не вступают в отношения конверсии, поскольку действие может лишь называться, но не производиться. Здесь символика удара и битья «плоской» выпечки, связана отношениями выводимости с семантикой отказа. Поэтому названия этих изделий из теста служат мотивационной базой для приведенных формул отказа при сватовстве [3, с. 251].

Подводя итоги, можно отметить, что исследование парадигматических отношений внутри отдельной группы обрядовых терминов оказывается продуктивным и становится возможным вследствие генетической близости восточнославянских локальных свадебных традиций и сходной семантики ритуальных действий с выпечкой в обряде. Синонимичные наименования могут появляться в результате образования от одного корня разными словообразовательными средствами или от актуализации в номинации разных признаков выпечки, сходной по внешнему виду и ритуальной функции. При этом соотношение значений некоторых словообразовательных средств в говорах отличается от литературного языка.

Представляется, что решающий фактор при исследовании семантики обрядовых терминов и установлении того, являются ли они членами одного парадигматического ряда, – это функционирование выпечки в обряде, а форма изделия второстепенна. Ряд словосочетаний со значением обрядовых действий с хлебом обладает одинаковым значением в обряде, что позволяет говорить об отношениях синонимии между ними. Некоторые из них отражают одну и ту же сторону одной ритуальной ситуации, т.е. находятся в отношениях конверсии. Несколько словосочетаний, обозначающих противоположно направленные ритуальные акты, определены как конверсивные антонимы.

Сокращения

Бел. диал. – белорусское диалектное; лит. – литературное; рус. диал. – русское диалектное; укр. диал. – украинское диалектное.

Список литературы

1. Аркушин Г. Л. Словник західнополіських говірок: у 2 т. Луцьк: Ред.-вид. відд. «Вежа» Волин. держ. ун-ту ім. Лесі Українки, 2000.
2. Архангельский областной словарь: в 13 т. / под ред. О. Г. Гецовой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980-2010.
3. Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007. 600 с.
4. Большой толковый словарь донского казачества / под ред. В. И. Дегтярева, Р. И. Кудряшовой и др. М.: Русские словари; Астрель, АСТ, 2003. 608 с.
5. Борисова О. Г. Кубанские говоры: материалы к словарю. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2005. 252 с.
6. Брысьина Е. В. Этнокультурная идиоматика донского казачества: монография. Волгоград: Перемена, 2003. 293 с.
7. Грінченко Б. Д. Словник української мови: у 4 т. Київ: Видавництво Академії наук Української РСР, 1958-1959.
8. Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. М.: Индрик, 2012. 936 с.
9. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1998.
10. Картины из народной жизни донских казаков. М.: Типография Грачева и К., 1871. 72 с.
11. Котович О. В. Белорусская свадьба в пространстве традиционной культуры. Минск: Адукацыя і выхаванне, 2012. 848 с.
12. Лексика гаворак Беларускага Прыпяцкага Палесся. Атлас, слоўнік / рэд. Ф. Д. Клімчук. Мінск: Права і эканоміка, 2008. 353 с.
13. Лисенко П. С. Словник поліських говорів. Київ: Наукова думка, 1974. 260 с.
14. Магрицька І. В. Словник весільної лексики українських східнословобожанських говірок (Луганська область) [Електронний ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.info/txt/magrytskai/slovyk.html> (дата обращения: 03.04.2012).
15. Новгородский областной словарь / Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Наука, 2010. XXVII+1435 с.
16. Областной словарь вятских говоров. Киров: Коннектика; Экспресс; Изд-во ВятГТУ; Радуга-ИРЕСС, 1996-2012. Т. 1-8.
17. Оселедько Ю. В. Свадебная обрядность русских Волховского района и г. Новая Ладога Ленинградской области // Этнографическое изучение северо-запада России: итоги полевых исследований 1998 г. в Ленинградской, Псковской и Новгородской областях. III Межведомствен. науч. конф. аспирантов и студентов (краткое содержание докладов). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1998. С. 43-45.
18. Осовецкий И. А. Лексика современных русских народных говоров. М.: Наука, 1982. 198 с.
19. Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: Типография императорской академии наук, 1885. 202 с.
20. Поділля. Історико-етнографічне дослідження. Київ: НКЦ «Доля», 1994. 504 с.
21. Попова Т. Н. Русское диалектное словообразование. Казань: Казан. гос. ун-т, 2009. 360 с.
22. Попова Т. Н., Шаброва Е. Н. Структура русского слова в территориальном аспекте. Казань: Изд-во КГУ, 2008. 240 с.
23. Псковский областной словарь с историческими данными. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та; Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1967-2008. Т. 1-20.
24. Рязанская традиционная культура первой половины XX века. Шацкий этнодиалектный словарь. Рязань: Изд. РязЦНТ, 2001. 488 с.
25. Самоделова Е. А. Каравайная традиция рязанской свадьбы // Этнография и фольклор Рязанского края: материалы Российской науч. конф. к 100-летию со дня рождения Н. И. Лебедевой (1-е Лебедевские чтения) (г. Рязань, 6-8 декабря 1994 г.). Рязань, 1996. С. 25-32.
26. Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2001-2009. Т. 1-4.
27. Словарь донских говоров Волгоградской области: около 17000 слов / под ред. Р. И. Кудряшовой. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград: Издатель, 2011. 703 с.
28. Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. / под ред. А. Н. Левичкина, С. А. Мызникова. СПб.: Наука, 2006. 677 с.
29. Словарь русских говоров Сибири / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск: Наука, 1999-2006. Т. 1-5.
30. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, С. А. Мызникова. М.; Л.: Наука, 1965-2013. Т. 1-46.
31. Словарь смоленских говоров: в 11 т. Смоленск: СГПУ, 1984-2005.
32. Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / под ред. И. А. Осовецкого. М.: Наука, 1969. 612 с.
33. Сороколетов Ф. П. Диалектная лексика как система // Сороколетов Ф. П. Избранные труды. СПб.: Наука, 2011. С. 191-200.
34. Сцяшкovich Т. Ф. Слоўнік Гродзенскай вобласці. Мінск: Навука і тэхніка, 1983. 671 с.
35. Тематический словарь говоров Тверской области / авт.-сост.: Т. В. Кириллова, Л. Н. Новикова, Т. В. Габлина, Е. В. Николаева. Тверь: ТвГУ, 2005. Вып. 4. 190 с.
36. Терещенко А. В. Быт русского народа. СПб.: Тип. военно-учеб. заведений, 1848. Т. 2. Свадьбы. 619 с.
37. Толстая С. М. Лексическая семантика и семантическая реконструкция // Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. С. 11-14.

38. Толстая С. М. Терминология обрядов и верований как источник реконструкции древней духовной культуры // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы / отв. ред. Н. И. Толстой. М.: Наука, 1989. С. 215-230.
39. Толстой Н. И. Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин // Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. С. 15-26.
40. Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья / сост. Г. Г. Шаповалова, Л. С. Лаврентьева. Л.: Наука, 1985. 343 с.
41. Тураўскі слоўнік: у 5 т. / склад. А. А. Крывіцкі, Г. А. Цыхун, І. Я. Яшкін. Мінск: Навука і тэхніка, 1982-1987.
42. Харузин М. Н. Сведения о казацких общинах на Дону. Материалы для обычного права. М.: Типография М. П. Щепкина, 1885. Вып. 1. 434 с.
43. Ярославский областной словарь: учеб. пособие: в 10 т. Ярославль: ЯГПИ имени К. Д. Ушинского, 1981-1991.

PARADIGMATIC RELATIONS IN THE SYSTEM OF CULTURAL TERMS OF THE EASTERN SLAVONIC WEDDING RITUAL

Grevtsova Tat'yana Evgen'evna
Southern Federal University
tanyar_2@mail.ru

The article examines paradigmatic relations in the group of cultural terms denoting wedding bread with the Eastern Slavs, their derivatives–nominations of the episodes, personages and attributes of a wedding and verbal word-combinations with the meaning of ritual actions with the pastry. The author identifies the mechanisms for the origin of synonyms in the mentioned terminological system, focuses on their differences from the synonyms in the literary language and distinguishes the pairs of word combinations related synonymically, antonymically and conversionally.

Key words and phrases: Eastern Slavonic wedding ritual; cultural term; bread; paradigmatic relations; synonymy; antonymy; conversion.

УДК 81-112.4; 811.512.145

Филологические науки

Данная статья ставит перед собой задачу описания языковых средств выражения состояний радости (шадлык) и печали (кайгу) в тюркоязычном средневековом произведении Кул Гали «Кысса-и Йусуф» (1233); рассматриваются особенности репрезентации лексических единиц при выражении обозначенных понятий и их функционирование в тексте поэмы «Кысса-и Йусуф». Проведённое исследование позволяет сделать выводы о том, что в средневековом тюркоязычном обществе понятия «радость» и «печаль» являются неразделимыми и взаимодополняющими.

Ключевые слова и фразы: средневековые тюркоязычные памятники; репрезентация лексических единиц; когнитивная лингвистика; радость-шадлык; печаль-кайгу.

Губаева Маргарита Анатольевна

Казанский (Приволжский) федеральный университет
atamannapajah@gmail.com

ПОНЯТИЯ ШАДЛЫК 'РАДОСТЬ' И КАЙГУ 'ПЕЧАЛЬ' В ЯЗЫКЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ТЮРКОЯЗЫЧНОГО ПАМЯТНИКА КУЛ ГАЛИ «КЫССА-И ЙУСУФ» (1233)©

Эпоха средневековья привлекает учёных многих областей социально-гуманитарного знания. История, археология, антропология, религиоведение и другие науки изучают особенности государственного устройства, пытаются восстановить быт, особенности физиологического строения людей, конфессиональные и территориальные взаимоотношения в средневековом обществе. Мы считаем, что исследуя вопросы медиэвистики, следует взглянуть на них глазами человека того периода, для этого нам необходимо понять его внутренний мир, интенциональность и специфику мировоззрения [20].

Благодаря достижениям когнитивной лингвистики, мы можем утвердить, что внутренний мир человека, его побуждения, особенности восприятия внешнего мира и его самовосприятия находят отражение в языке изучаемого периода [2; 4; 7]. «Внутренний мир не дан в наблюдениях. Описывая его, язык его тем самым создаёт» [2, с. 5].

Средневековые памятники характеризуются яркой представленностью образов через оценочную призму религиозных догм [3; 5]. Средневековая философия строится на антитезе, оппозитарности: плохое и хорошее, злое и доброе, запрещённое и разрешённое и прочие оппозиции, порождая тем самым ценностную основу существования средневекового общества [1, с. 32; 4, с. 275; 18, с. 69-70].

В тюркоязычных художественных произведениях средневековья, как правило, акцент ставится на то, как герои выходят из различных ситуаций, таким образом автор раскрывает их духовный мир [14, с. 51; 16]. Можно сказать, что внутренний мир человека не описывается намеренно, а чаще всего является сопутствующим результатом изложения философской и этической мысли автора.